

«Потерянный» источник: Титулярник 1577 г.

Андрей Беляков

The «Lost» source: Titular book of 1577

Andrey Belyakov

(*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

DOI: 10.31857/S086956870012939-3

В последнее время вырос интерес исследователей к истории международных контактов Московского государства XVI в. Появляются работы, раскрывающие историю архивации дипломатической документации, вводятся в оборот сведения о лицах, участвовавших в посольских посылках, публикуются источники. Одним из самых неожиданных и во многом сенсационным открытием последних лет стало обнаружение документа, получившего в XVIII в. название «Книга, названная ТИТУЛЯРНИК, содержащая краткую выпись о титулах, писанных как к российским великим князьям государям Иоанну Васильевичу, Василью Иоановичу и царю Иоану Васильевичу в грамотах от разных европейских и азиатских государей и владельцов, и от вселенских греческих патриархов, так равномерно с российской стороны к европейским и азиатским государям и владельцам, а именно при взаимной переписке»¹.

Источник датируется по двум признакам. Последние зафиксированные в книге дипломатические ссылки относятся к 1577 г. — книга не могла быть составлена ранее этой даты. Ю.М. Эскин определил одну из филигранных как встречающуюся с 1610 по 1619 г.² Однако атрибуция филигранны «Кувшинчик» рубежа XVI—XVII вв. сложна, следует учитывать и фактор «завалывшейся» бумаги. Можно высказать две версии происхождения рукописи. Она могла быть составлена в 1577 или в начале 1578 г. В этом случае перед нами след реформы делопроизводства и документооборота в Посольском приказе 1570-х гг., другими проявлениями которой служат создание около того же времени двух описей царского архива³, а также выписки из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547—1572 гг.⁴ Книга может также являться списком с ветхого оригинала 1577 г., сделанным вскоре после освобождения Москвы от поляков в 1612 г. Актуальность подобного справочника для того время безусловна: следовало во многом с нуля возродить деятельность Посольского приказа. В первую очередь это касалось подготовки профессиональных кадров служащих внешнеполитического ведомства. Штат подьячих Посольского приказа всегда отличался стабильностью. Для выпол-

© 2020 г. А.В. Беляков

¹ РГАДА, ф. 166, оп. 1, кн. 14.

² Эскин Ю.М. Титулярник — тексты и иллюстрации // Царский титулярник. Т. 2. М., 2007.

³ Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960; Шмидт С.О., Балакаева И.А. Опись государственного архива конца XVI в. // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 346—348.

⁴ «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547—1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Вып. 2. М.; Варшава, 1997.

нения возложенных на них задач требовались не только грамотность и опыт приказной работы, но и определённые познания в специфике дипломатической деятельности. События Смутного времени стали испытанием для приказа. В первые годы царствования Михаила Романова фиксировалась значительная текучесть кадров. Относительная стабилизация наступила только после 1616 г. При этом значительный стаж дипломатической службы из 16 подьячих имели только двое — Иван Зиновьев и Иван Фёдоров-Каша, служившие в приказе с 1594 г.⁵

Отмечу, что рассматриваемый источник не мог быть впервые составлен после Смуты. На это указывает верхняя хронологическая граница грамот — 1577 г. Если бы в приказе составители решили ограничиться исключительно правлением Ивана IV, то они бы довели справочник до 1584 г. Важно указать, что в конце рукописи помещён текст: «Венчание царя Иоанна Васильевича на царство Московское, вкратце изображенное». Если перед нами список с более раннего источника, то возникает вопрос: имелся ли этот раздел в первоначальной книге? Если нет, и данный текст внёс переписчик, то выпись о венчании наиболее актуальна была до венчания на царство царя Михаила Фёдоровича (11 июля 1613 г.). Против датировки 1610—1619 гг. выступает и тот факт, что в данном источнике отсутствуют чины венчания на царство Фёдора Ивановича, Бориса Годунова, Василия Шуйского. Две версии о дате создания рукописи выглядят равновесными; более аргументированной, однако, представляется датировка 1577 или же 1578 г.

Рассмотрим содержание источника. При составлении в рукописи в хронологическом порядке поместили начала (титулы) и окончания грамот (интитуляции и инскрипции) от московских государей к иностранным правителям и от зарубежных монархов к русским великим князьям и царям. Государи, с которыми велась переписка, приведены в следующем порядке: римские цесари (императоры Священной Римской империи и эрцгерцоги), турецкие султаны, крымские ханы, калги (официальные наследники престола) и отдельные князья, самаркандские, кизылбашские (персидские), сибирские, шамаханские, ургенчские цари, шевкальский (шахмальский) князь, ташкентский царь, ногайские князья (бии) и мирзы, Темрюковы дети (кабардинские князья), тюменский князь, «литовские короли» (затем короли Речи Посполитой), шведские, датские, английские короли, король Ливонии Магнус, вселенские патриархи. В завершении приводится чин венчания 16 января 1547 г. Ивана Васильевича на царство.

Возникает вопрос: является ли подобная компоновка материалов случайной? По моему мнению, в рукописи можно проследить два или три этапа изменения её концепции. Изначально составитель сделал упор на документы, в которых признавался царский титул. Поэтому книга начинается с выписей из дипломатической переписки с римскими цесарями и турецкими султанами. Составителей интересовали исключительно приводимые в грамотах титулы адресатов и отправителей, а точнее — факт признания контрагентом царского титула московских государей. По этой причине контакты с Империей фиксируются с 1488 г., а с турецкими султанами с 1512 г.

Несколько позднее по такому же принципу было решено дополнить получившийся справочник выписками из дипломатической переписки с правителями иных государств. Прослеживается только один критерий отбора — наличие

⁵ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 131—140, 344—346.

относительно активных контактов на момент составления книги с тем или иным государством. По этой причине здесь отсутствуют выписки из переписки с римскими папами или французскими королями, казанскими и астраханскими ханами и рядом иных дипломатических контрагентов московских государей. Строго разработанных правил для составления справочника не существовало, как не было и единого составителя. В книге встречается несколько почерков. Рука конкретного писца точно соответствует тому или иному разделу сборника, посвящённому контактам с определённой страной (странами). У каждого подьячего, работавшего с документами по тому или иному направлению, прослеживаются свои подходы к выборке документов и цитат из них. Такая организация труда привела к ситуации, когда в ряде случаев помимо официальных начал и завершений грамот мы имеем примеры приведения текстов шертей и даже хода приёма посольств в царском (великокняжеском) дворце. Однако после разделов, посвящённых Империи и Турции, все последующие главы хронологически начинаются не с первых известных дипломатических контактов с тем или иным государством, а ограничиваются исключительно правлением Ивана IV, причём, как правило, только с 1560-х гг. Первоначальное намерение установить все случаи признания царского титула московских государей в сопредельных странах оказалось нарушено. Возможно, этому способствовали два фактора — потеря посольской документации по отдельным странам за некоторые годы и длительные перерывы в дипломатических контактах по ряду направлений. Нельзя не отметить, что проблема архивации посольских документов, а также сохранности посольских книг XVI в. остаётся малоизученной⁶.

Включение в книгу текста чина венчания на царство Ивана Васильевича следует отнести к третьему этапу составления памятника. По-видимому, этот текст оказался здесь случайно, и его добавили в последний момент. Однако его появление ещё больше оттенило первоначальную идею, так хорошо читающуюся в первых двух разделах.

Порядок включения сведений о дипломатических контактах с тем или иным государством, похоже, был случаен и не отображал московских представлений о степени «честности» их правителей. Об этом свидетельствует помещение переписки с патриархами в самый конец. Находит объяснение только компоновка среднеазиатского раздела, в который оказались включены Сибирь, Кавказ и Персия, но осознанно выведены в отдельные разделы Турция и Крым. В краткой описи архива Посольского приказа, датированной публикаторами 1594 г., видна похожая компоновка дел: «С кызылбашским, и с шемахейским, и з бухарским, и с самарханским делом, и с юргеньским, и с тюменскими, с визюрским, и с сибирским, и с казацким, и с туркосанским, и с ташкенским, и с крымшевкаловым, и з барколским делом ящики 1, 43»⁷. В описи Посольского приказа 1614 г. ситуация несколько изменилась: «В свяске тетрати Шемахейские, и Сибирские, и Казацкие Орды, старые, розных

⁶ *Мошкова Л.В.* Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 232—250; *Моисеев М.В.* Переписка России с Ногайской Ордой в правление Ивана Грозного: документооборот и архивация последней // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 75—83; *Бачинский А.А., Ерусалимский К.Ю., Коченовская Н.А., Моисеев М.В.* Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // Российская история. 2018. № 2. С. 111—129.

⁷ *Шмидт С.О., Балакаева И.А.* Опись государственного архива... С. 346—348.

годов; а положены с нагайскими, да с казанскими, да с астраханскими книгами вместе»⁸. Отмечено и отдельное несистематизированное собрание столбцов преимущественно более позднего происхождения⁹. Однако упомянут и ящик № 3 из числа тех, что «из задние полаты пересматриваны дела в ящиках», всё с теми же среднеазиатскими документами середины — второй половины XVI в. (правда, разбавленные более поздними литовскими и шведскими делами)¹⁰. Получается, что в 1577 и 1594 гг. система хранения «среднеазиатских» дел была идентична. В эпоху Смуты она нарушилась, что, возможно, произошло как чисто механически, так и по причине того, что такие различные дипломатические направления могли достаться в ведение одному подьячему (подобные явления в приказе отмечаются во второй половине XVII в.)¹¹.

Говоря о сибирских известиях, следует отметить, что составитель посчитал «неинтересными» сведения о более ранних русско-сибирских контактах. Речь идёт о посольствах Тайбугида князя Едигера бин Касима¹² и Шебанида царя Муртазы¹³. Составитель этого раздела постарался облегчить свою задачу путём объединения посланий со схожим оформлением: «А к бухарским царем писано в грамотех от царя и великого князя в начале и в свершенье все государския титла потому ж, слово в слово, писано к самарханскому царю»¹⁴. По счастливой случайности списки бухарских грамот XVI в., единственные из всех многочисленных документов по связям со Средней Азией, сохранились¹⁵. Русско-ногайская дипломатическая переписка также имеет хорошую сохранность. Протокол грамот здесь был неустоявшимся и содержал большое количество вариаций. Составитель этого раздела ограничился приведением двух форм начала посланий к ногайским биям. О второй сказано: «А иногда писано к Тинехмату»¹⁶ и приводится нечасто встречаемая форма обращения, выбранная, видимо, благодаря своей исключительности.

В ряде случаев Титулярник содержит уникальные свидетельства. В нём имеются данные о русско-крымских дипломатических контактах с 1549 по 1562 г. Крымские посольские книги за данный период утрачены. Ранее о контактах с Бахчисараем за те годы можно было судить исключительно по сообщениям Никоновской летописи¹⁷. Имеются в Титулярнике неизвестные ранее памятники переписки с польским королём Генрихом Валуа, Филиппом английским, патриархами. Наиболее значимой следует признать информацию о диплома-

⁸ Описи Царского архива XVI века... С. 107.

⁹ Там же. С. 131—136.

¹⁰ Там же. С. 96—97.

¹¹ *Гуськов А.Г.* Новые данные о структуре Посольского приказа во второй половине XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X международной научной конференции (9—13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 66—68.

¹² ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 248, 276, 285, 313, 370.

¹³ Описи Царского архива XVI века... С. 97.

¹⁴ РГАДА, ф. 166, оп. 1, кн. 14, л. 76 об.

¹⁵ *Моисеев М.В., Бачинский А.А.* Незамеченное послание бухарского хана Абдул-Азица царю Ивану Васильевичу (к ранней истории русско-бухарских отношений) // *Stratum plus.* Археология и культурная антропология. 2017. № 6. С. 63—71.

¹⁶ РГАДА, ф. 166, оп. 1, кн. 14, л. 92 об.

¹⁷ *Виноградов А.В.* Сведения о дипломатических связях Русского государства и Крымского ханства в титулярнике 1488—1577 г. // Комплексный подход в изучении Древней Руси... С. 49—51.

тических связях с Сибирью¹⁸, Средней Азией и Кавказом¹⁹, о которых прежде почти ничего не было известно.

Остаётся много вопросов о том, как осуществлялась выборка документов для их размещения в Титулярнике. Использовались ли для этого по преимуществу подлинные грамоты или посольские книги? Сравнение сведений Титулярника с данными посольских книг позволяет поставить вопрос о том, по каким причинам сведения последних оказались неполными. Здесь содержатся послания Александрийского патриарха Селиверста²⁰ и монахов Зографского монастыря св. Георгия на Афоне²¹, отсутствующие в греческих посольских книгах²². В греческих же грамотах помещена запись рассказа синайских старцев Иосафа и Малахии об испытании Александрийского патриарха Иоакима смертоносным зельем²³. Для нас этот документ интересен в двух аспектах. Во-первых, он указывает на то, что отдельные составители Титулярника могли по собственной инициативе отходить от первоначального плана и включать не только интитуляции и инскрипции грамот, но и просто показавшиеся им замечательными по тем или иным причинам тексты. Во-вторых, следует указать на то, что данный текст несколько отличается от записи в греческой посольской книге²⁴, что ставит логичный вопрос об источнике информации посольского подьячего. Несколько иная ситуация с посланием от царгородского патриарха Иосафа²⁵. Здесь переписчик приводит большую часть текста грамоты, произвольно обрывает его, пропускает несколько строк и вновь воспроизводит текст послания, не доведя его, однако, до конца²⁶. Является ли это технической ошибкой или же преднамеренным шагом, неизвестно. Присутствует значительное количество ошибок при пересчёте года по летоисчислению от Рождества Христова. Подобные наблюдения позволяют сделать вывод о разной степени подготовленности лиц, задействованных в создании справочника.

В ряде случаев важны и «умолчания» Титулярника. В нём отсутствуют какие-либо свидетельства о дипломатических контактах между Россией и Казахской Ордой. Это ставит под вопрос утверждение о том, что захваченный в 1573 г. в Сибири племянником хана Кучума царевичем Мухаммед-Кулом русский посланник Третьяк Чабуков возвращался из Казахской Орды²⁷. Показательно отсутствие образцов переписки с многочисленными татарскими царями и царевичами на русской службе. Этому не удостоился даже Симеон Бекбулатович, родной племянник царицы Марии Темрюковны и недавний великий князь всея Руси. Исключение сделано только для ливонского короля Магнуса. Видимо,

¹⁸ Беляков А.В. Сибирские шерты XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 1: История. С. 125—131.

¹⁹ Моисеев М.В. Новые данные по истории взаимоотношений Московского государства и кавказских политических образований во времена Ивана Грозного // Комплексный подход в изучении Древней Руси... С. 136—137; Моисеев М.В. Дипломатические контакты с ханствами Средней Азии при Иване Грозном // Коммуникативная культура: история и современность. Материалы IX международной научно-практической конференции, 1 ноября 2019. Новосибирск, 2019. С. 217—222.

²⁰ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 165—166.

²¹ Там же, л. 162 об.—165.

²² Россия и греческий мир в XVI веке. Т. I. М., 2004.

²³ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 167—168.

²⁴ Россия и греческий мир... Т. I. С. 239—240.

²⁵ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 148—148 об.

²⁶ Россия и греческий мир... Т. I. С. 255.

²⁷ Лебедев В. Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. 1936. № 5(78). С. 187.

служилые Чингисиды — потомки ордынских царей — не рассматривались в Москве как политические контрагенты. На это указывают и образцы переписки с касимовским царём Шах-Али, сохранившиеся в ногайских посольских книгах²⁸. Проигнорировали составители и примеры так называемой женской дипломатии, когда вторая супруга Ивана Грозного царица Мария Темрюковна получала послания от своих родственниц из-за границы²⁹.

Анализируя сведения крымских посольских книг, М.В. Моисеев обнаружил интересный пример того, как в Посольском приказе XVI в., соблюдая в дипломатических посланиях все формальные признаки вежливости, могли при необходимости унижить адресата. После сожжения Москвы в 1571 г. войсками крымского хана Девлет-Гирея послания в Крым скреплялись черновосковской печатью, хотя полагалось красновосковской «кормленной»³⁰. Подтверждает эту информацию и Титулярник: «А после царева приходу к Москве с Севрюком с Клавшовым по государеву приказу ко царю, и ко царевичем, и ко царицам, и к мурзам печать была меньшая, на черном воску»³¹. Это ставило Девлет-Гирея в ряд с ногайскими мирзами («А к Урусу мурзе и ко всем нагайским мурзам в началех грамоты писаны по тому ж в кратце, без государевых титулов. А печати у грамот рядовые, на чорном воску, без кустодеи») и крымской знатью («А ко князем и мурзам, и к уланом ко всем печать меньшая на черном воску, а подпись ко всем под печатью») ³².

Источник содержит ряд загадок. Формуляры посольских грамот рано начали унифицироваться. Тем заметнее оказываются особенности некоторых посланий. В феврале 1556 г. в ответ на посольство от английской королевы Марии Стюарт и её супруга Филиппа II, призванное сообщить об их восшествии на престол после смерти Эдуарда VI, из Москвы отправили ответное послание. Местами его стилистика разительно отличалась от утвердившихся норм: «Чеснейшему и высокославнейшему от милосерднаго Бога устроенному, превознесенному честию яко рогу инрога и закона своего, яко солнечных луч осиятелю, гамаюна, подражателю сирина песни в сладости словес, предобрейшему, также и земли своей оберегателю, адаманта стен крепчайшему, ведомья чести главе, всегда прибавителю царствия своего, государю приморскому, Филиппу, королю Аглинскому»³⁴. Схожие обороты встречаются в грамоте от самаркандского султана Саида бин Абу-Саида к Ивану IV: «Как солнце осияет светом вселенную, также и ты по странам славишься добронравым и справедливым, аки месяц во звездах, именуется в государех, и землями обладатель еси благотворных в частливых государех над величайшими превознесен еси, как звезда на небе»; «И подобен еси гамаюну: толкуетца царь царем еси иже веселит и безпечалну быти»; «а в государех как солнце светел еси»³⁵. Однако самаркандская грамота была получена в Москве только в 1566/67 г. Возможно, это

²⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). Казань, 2006. С. 152—153.

²⁹ Моисеев М.В., Ерусалимский К.Ю. Женские голоса в дипломатической переписке Ивана Грозного // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2017. № 25. С. 120—141.

³⁰ Моисеев М.В. Исторические примеры посланий Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 285; РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 69.

³¹ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 69 об.

³² Там же, л. 93—93 об.

³³ Там же, л. 69 об.

³⁴ Там же, л. 138 об.—139.

³⁵ Там же, л. 71—75.

является косвенным указанием на существование более ранней грамоты, стилистически сходной с посланием из Самарканда. Столь необычное обращение к европейскому государю было вызвано титулом адресатов: «Филип и Мария, из воли милости Господа Бога всемогущего, король и королева Аглинские, Францыйский, Неаполитанский, Ерусалимский, Ирланский, оборонитель святые веры хрестьянские, князь Ишпанский и Сицylinderский, великий князь Аустрейский, князь Бургундский, Медиаламский и Брабанский, крабе Аустурского, Фляндрийский и Тыролийский»³⁶. Для короля Иерусалимского, «восточного» владельца, требовалось пышное обращение, свойственное государям Востока. Поэтому, похоже, для грамоты к Филиппу решили переработать имеющиеся послания от правителей Востока.

Общеизвестно, что в рассматриваемое время как в России, так в Европе и Азии большое внимание уделяли титулатуре. М. Агоштон отмечала, что титул германского императора оказал непосредственное влияние на складывание официальной титулатуры Ивана III³⁷. Титулярник наглядно показывает, что московская сторона оперативно реагировала на все изменения в имперских грамотах. Внесение новых позиций в титул императора тут же вызывало усложнение титула великого князя. Но при этом составители справочника посчитали излишним обратить внимание на упорную борьбу за признание официального титула русских государей польско-литовскими правителями; проигнорированы и подобные споры с Крымом. Говоря о заимствовании русской стороной тех или иных практик оформления грамот на Западе, отмечу, что возникшая во второй половине XVI в. традиция после даты составления документа указывать количество лет, прошедших от начала царствования и присоединения иных государств, похоже, была заимствована у имперского протокола: «Дана в городе нашем стольнем Ульме день 26 месяца декабря в лето нароженья 1488-го, а королевства нашего римского 48-го лета, государства 36-го, угорского истину 29-го»³⁸.

Данный справочник, по-видимому, был высоко востребован в Посольском приказе XVII в. вплоть до 1660-х гг. Он позволял легко навести справку о протоколах грамот и мог выполнять роль своеобразного пособия для подьячих, вновь взятых для работы во внешнеполитическом ведомстве. О рассматриваемом источнике можно говорить как о первом учебнике для подготовки профессиональных дипломатов. Титулярник 1577 г. явно послужил образцом для создания иных справочных материалов, таких как книги «о наместнических титулах, коими повелевалось именоваться послам и иным лицам»³⁹, а также для Титулярника 1670 г.⁴⁰, о котором стоит сказать отдельно.

Титулярник 1670 г. был известен на рубеже XVIII—XIX вв. под № 2. С середины XIX в. он хранится под № 15: «Титулярник, содержащий краткую выписку о титулах, писанных как к российским государям европейских и азиатских государей, так и от них к помянутым владельцам и к разным Российским подданным, с показанием краткого исторического известия о начале каждого государства, о происхождении, родословии, гербах, титулах и времени, с кото-

³⁶ Там же, л. 137.

³⁷ Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 152.

³⁸ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 4.

³⁹ Там же, д. 3—8.

⁴⁰ Там же, д. 15.

рого началась переписка с Россией»⁴¹. Составленный по образцу Титулярника 1577 г., он имеет принципиальные отличия. Изначально он охватывал дипломатические контакты с 1571 по 1659 г. В нём, как и в Титулярнике 1577 г., проигнорировали все свидетельства о дипломатических контактах, ставших неактуальными к последней трети XVII в. Поэтому здесь нет свидетельств о переписке с Сибирским ханством и Казахской Ордой. Этот сборник создавался как постоянно пополняемый, каждая страна составляла особый раздел. При этом между всеми разделами оставлялось большое количество пустых листов для записей о ещё не состоявшихся миссиях. Несколько лет после создания Титулярника эта работа действительно осуществлялась, но позднее была заброшена. Кроме того, в Титулярнике 1670 г., как видно из заглавия, содержалась краткая информация об истории отдельных государств и начале дипломатических контактов с ними.

Не менее интересно, что каждый раздел начинался с высокохудожественно выполненной золотом виньетки в виде трав размером на страницу. Их авторство следует приписать золотописцу Григорию Антонову Благушину, трудившемуся в приказе в 1646—1683 гг.⁴² Выделяется несколько групп изображений, отличающихся друг от друга объёмом золотого узора. Особняком стоит изображение, помещённое в начале турецкого раздела. Страница заполнена практически целиком, а не только по краям полей; в орнамент вплетены три медальона с помещёнными в них надписями. В Титулярнике 1577 г. имеется следующая запись в описании турецких грамот: «А в грамоте к салтану писано наперед Божье имя, а после великого князя имя, а после великого князя имени турского салтана имя, в трех кругах золотом. В первом кругу: Бог наш Троица, иже прежде веке сын и ныне есть Отец и Сын и Святой Дух; в другом кругу: Великий государь Василей, Божиею милостью един правы государь всеа Руси и иным многим землям восточным и северным государь, и великий князь Владимирский, Московский, Ноугородский, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных; в третьем кругу: Салим-шаг салтану, государю Костентинопольскому и Болморскому, и Черноморскому, и Наталейскому, и Кримскому, и Караманскому, и Румскому и иных земель государю, брату и доброму приятелю». Подобное оформление имело место в 1512, 1514/15, 1541/42 гг.⁴³ По-видимому, это была устоявшаяся традиция, зафиксированная ещё С. Герберштейном⁴⁴. М. Агоштон ошибочно восприняла это как факт помещения на грамотах тугры — графического символа высшей власти в ряде мусульманских государств, по предназначению аналогичной тамге и нишану⁴⁵.

Столь пышное оформление русских грамот в Константинополь действительно могло быть реакцией на первоначальное помещение на султанских грамотах к московским государям тугры. Однако последняя включает в себя имя Бога, правителя, а также его титул, но не имя адресата. Хотя при желании три вертикальных знамени и три завитка знаменных хвостов на тугре можно соотносить с тремя медальонами русских грамот. Как минимум со времени Михаила Фёдоровича тугра имелась и у московских царей. При этом на них устойчиво

⁴¹ Там же.

⁴² *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 166—176.

⁴³ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 14, л. 40 об., 44—45, 51.

⁴⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 75.

⁴⁵ *Агоштон М.* Великокняжеская печать... С. 163—164.

помещалось пять вертикальных знамён и завитков⁴⁶. Также следует указать на то, что тугра московского государя помещена в Титулярнике 1670 г. только перед разделом, посвящённом Крыму: видимо, она ставилась на грамоты к крымским ханам.

Вероятно, художественное оформление грамот к иным государям, приведённое в Титулярнике 1670 г., можно с высокой степенью уверенности отнести и к значительно более раннему периоду. Беглый подъячий Посольского приказа Григорий Котошихин различал несколько типов оформления грамот золотом: 1) «травы золотом пишутца большие»; 2) «травы золотом пишут средние»; 3) «травы золотом наверху, над писмом, а по сторонам не бывает»; 4) «трав не пишут никаких, толко начальное слово золотом». Особняком стоит описание оформления грамот к турецкому султану: «К турецкому салтану пишется большою титлою не всею, толко по “повелителя”; а его титлу пишет против того, как он сам пишетца, на большой александрийской бумаге. Травы пишутся сверху до половины листа, и по краям болшие до низу, и внизу травы ж, а вверху среди трав в трех кругах царская и турецкого салтана титлы пишутца золотом все; а дело пишетца с половины листа»⁴⁷. Такая осведомленность Котошихина наталкивает на мысль о том, что до 1670 г. в Посольском приказе существовали некие образцы оформления золотом грамот. Возможно, они хранились в книжной форме.

По-видимому, возникновение основных принципов художественного оформления грамот к иным государям, приведённых в Титулярнике 1670 г., можно отнести к более раннему периоду. Поэтому в приказе должны были храниться некие утверждённые образцы. Помещение золотописных заставок / рамок в Титулярнике № 2 не связано с ростом числа золотописцев в приказе — это произошло позднее. 13 февраля 1661 г. в приказ был взят «для научения Григорием Благушиным шведский полоняник новокрещен Федор Лопов». В 1665/66 г. в золотописцы приняли также Матретья Андреева⁴⁸. В 1659 г., похоже, два вида справочников (Титулярник 1577 г. и образцы оформления грамот) решили объединить. Перед нами выстраивается картина подготовки почвы для создания знаменитого большого Титулярника 1672 г. («Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень великих государей царей и великих князей российских, и как в прошлых годах великие государи цари и великие князи российские... писались в грамотах ко окрестным великим государем»). Это могло произойти только в результате постепенного создания в Посольском приказе ряда справочников, необходимых для быстрого поиска информации в повседневной работе и обучения премудростям дипломатического делопроизводства вновь поступающих в приказ подъячих. Картина возникновения подобных книг реконструируется так: Титулярник 1577 г. — «книги о наместнических титулах»⁴⁹ и предполагаемый справочник золотописцев для художественного оформления грамот — Титулярник 1670 г. — Титулярник 1672 г. Последний стал некоторым отклонением в сторону парадного издания, имевшего и утилитарные задачи, но всё же мало приспособленного для повседневной приказной работы.

⁴⁶ Фаизов С. Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерг-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М.; Бахчисарай, 2002.

⁴⁷ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 36—38.

⁴⁸ Беляков А.В. Служащие Посольского приказа... С. 168.

⁴⁹ Сохранилось несколько подобных «книг» второй половины XVII в. В их структуре и оформлении прослеживается поиск наиболее удобной для работы формы (РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 3, 4, 9).

Для этих целей в приказе начала XVIII в. создавались свои Титулярники, несколько отличные от устоявшихся норм XVI—XVII вв. Они, в частности, демонстрируют игнорирование интереса к истории бытования титулов; важнее было их применение в текущий момент. Однако и Титулярник 1577 г. не был забыт. В начале XVIII в. его отреставрировали — он получил нынешний кожаный переплет. О времени работ можно судить по вводным листам рукописи, бумага для которых, по-видимому, была изготовлена в 1701—1704 гг.

Впервые Титулярник 1577 г. упоминается на страницах исследований в середине XVIII в. В 1766 г. статский советник профессор Иоган Каспар Тауберт обратился к начальнику Главного Московского архива иностранных дел Г.Ф. Миллеру с вопросами: «1) кто из великих князей начал писаться осподарем всея России и в котором году; 2) великий князь Василий Иванович писался ли царем в публичных документах и с которого года?»⁵⁰. Ответить на запрос было поручено Н.Н. Бантышу-Каменскому. Сведения об этом записаны в книгу входящих и исходящих бумаг архива за 1766 г. на страницах 232 и 305. В результате этого в архиве появилось дело: «О том с которого времени в титулах русских государей начинают употребляться слова осподарь и царь. Сочинение Бантыш-Каменского». Оно состоит из краткого ответа на запрос и более обширных черновых выписок. Отсылка к Титулярнику даётся в связи с информацией о грамоте, адресованной к императору Священной Римской империи 1514 г.⁵¹ С этого момента источник получил своё название, закрепившееся за ним в дальнейшем. Впрочем, слово «титулярник» устойчиво вошло в русский дипломатический обиход несколько ранее: так с 1700 г. назывались подборки интитуляций и инскрипций дипломатических посланий Петра I⁵².

В задачу Бантыша-Каменского не входил подробный анализ источника. Но, работая над запросом Тауберга, он сделал наблюдения, которые позволяют нам говорить о том, что далеко не все составители Титулярника 1577 г. качественно подошли к возложенной на них работе. Архивист обнаружил несколько ранних примеров использования царского титула великими князьями московскими: 1) «1484/6992 года в Кафу к жидовину Захарье Скарье⁵³ грамоте с золотою печатью первым находится титул следующего содержания — Божию милостию великий осподарь Руские земли великий князь Иван Васильевич царь всея Руси»; 2) с царским титулом писались грамоты к магистру Ливонии, бургомистрам городов Любека, Нарвы и Ревеля (Таллин) и «к которым жившим в Крыму и Кафе князьям»; 3) в 1487/88 г. в грамоте к польскому и в 1519 г. к датскому королям⁵⁴. Эти факты частично подтверждаются архивными документами. В переписке с Данией царский титул упоминается ещё в XV в., а вот в переписке с Польско-Литовским государством он не встречается⁵⁵.

Возможно, в 1766 г. документ получил № 1. Доказательством тому служит бумажная бирка с таким номером, присутствующая на переплёте. Дав

⁵⁰ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁵¹ Там же, л. 3.

⁵² Там же, д. 18—23.

⁵³ Правитель Кафы и Тамани Захарий Скарье (Гуил Гурсис).

⁵⁴ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 2, л. 2—11 об.

⁵⁵ Лобин А.Н. Послания Василия III великому магистру Альбрехту 1515 г. из собрания исторического Кенигсбергского секретного архива // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1(11). С. 141—152; Сборник Русского исторического общества. Т. 41. С. 41; Т. 35; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГид). Ч. V. М., 1894. № 100; Аеоитон М. Великокняжеская печать... С. 146—167.

источнику название, Бантыш-Каменский не смог по достоинству его оценить. На это указывает тот факт, что в 1803 г. в «Историческом показании о Российско-императорском титуле» исследователь не пользовался сведениями Титулярника 1577 г., предпочитая обращаться к посольским книгам и подлинным грамотам на латинском языке. В последних Бантыш-Каменский обнаружил ещё два примера ранних упоминаний императорского титула по отношению к московскому государю, проигнорированные создателями рассматриваемого нами источника. Это послания прусского князя Альберта от 10 мая 1507 г. и шведского короля от 1561 г.⁵⁶

В историю документ вошёл как Титулярник № 3. Порядковый номер он поменял не позднее рубежа XVIII—XIX вв., попав в поле зрения А.Ф. Малиновского. Интересуясь историей Востока, он не мог пройти мимо таких сюжетов, как переписка Ивана IV с сибирским ханом Кучумом и самаркандским царём. Эти документы в выдержках он предоставил Н.М. Карамзину, поместившему их в приложение к «Истории государства Российского»⁵⁷. Очевидно, историограф не работал с самим Титулярником, поскольку не использовал иные уникальные свидетельства этого источника. Имеется ещё одно совпадение. В портфелях Малиновского содержатся многочисленные выписки из Титулярника, но отсутствуют копии документов по контактам с Сибирью⁵⁸. Переписку с Кучумом Малиновский опубликовал в Собраниях государственных грамот и договоров⁵⁹, редактором которых он являлся с 1814 г. Там же он разместил ещё один источник из Титулярника — текст краткого чина венчания на царство Ивана Васильевича⁶⁰.

Почему археограф не опубликовал другие документы из Титулярника, в том числе скопированные и сохранившиеся в его портфелях, остаётся загадкой. Возможно, материалы, собранные в портфелях Малиновского, послужили основой для публикации «Собрания государственных грамот и договоров» или даже специально были составлены в ходе подготовительных работ к изданию этого серийного издания. Однако при окончательном формировании сборника в него вошли далеко не все отобранные ранее документы. В портфелях Малиновского оказались сконцентрированы по разным причинам «отбракованные» источники. Принятые же к публикации документы покинули это собрание, причём дополнительных копий с них не делали. Таким образом, данную коллекцию исторических свидетельств нельзя рассматривать как личное собрание — это явно часть более масштабного проекта. Причина отказа от публикации подавляющего числа внешнеполитических документов из Титулярника

⁵⁶ РГАДА, ф. 166, оп. 1, д. 1, л. 6—6 об.

⁵⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. III. М., 1988. Примечания к Т. IX. № 257, 258.

⁵⁸ РГАДА, ф. 197, оп. 1.

⁵⁹ СГГид. Ч. II. М., 1819. № 45. С. 63—65. О проблеме шерти Кучума и дипломатической переписке Сибирского ханства в современном сибиреведении см: Слугина В.А. Делопроизводственные источники в Сибирских летописях: вопросы датировки шертоприводной записи Ермака // Вестник Кlio: Сборник научных трудов Новосибирского государственного университета. Вып. 4. Новосибирск, 2014. С. 39—43; Зувев А.С., Слугина В.А. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. № 3. С. 30—44; Конев А.Ю. «Ясаку с них имати не велели...». Грамота царя Бориса Годунова из фондов Государственного архива Тюменской области // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 41—46; Беляков А.В. Сибирские шерты XVI века. С. 125—131.

⁶⁰ СГГид. Ч. II. № 33. С. 41—43.

кажется очевидной. На рубеже XVIII—XIX вв. российская историческая наука лишь начинала публиковать источники по истории Московского государства. В то время в архивохранилищах имелось огромное количество целых документов, в том числе в подлинниках, чтобы обращать внимание на дефектные (неполные) копии.

В труде Н.М. Карамзина и архивных выписках А.Ф. Малиновского этот источник устойчиво фигурирует как Титулярник № 3. Однако в конце XIX в. В.А. Ульяницкий его проиндексировал как № 1⁶¹. Это ещё больше запутало ситуацию для последующих исследователей. Дело в том, что в 1849 г. кн. М.А. Оболенский провёл очередную структурную реформу вверенного ему архива. Был создан фонд «Дела и сочинения о титулах», куда и попал Титулярник, но уже под № 14. Лист использования архивных дел показывает, что этот источник неоднократно просматривался исследователями, в том числе и в последние два десятилетия. Но они не находили в нём то, что искали. Их интересовали исключительно полные тексты грамот по тем или иным направлениям. Оценить же его значение для исторической науки они не смогли, ссылки на него в исследовательской литературе отсутствуют. Единственным исключением является его краткий разбор Ю.М. Эскиным⁶².

Титулярник 1577 г. — сложный и многоплановый источник. Он позволяет закрыть определённые лакуны в истории русской дипломатии XVI в., даёт новые возможности для исследования системы архивирования и хранения посольской документации. Содержащиеся в нём сведения важны для изучения становления дипломатического формуляра. История бытования этого источника ставит перед исследователями ещё одну задачу — изучение возникновения, развития и использования специальной справочной и учебной литературы в недрах Посольского приказа. На повестке дня стоит публикация Титулярника, что, безусловно, будет способствовать дальнейшему росту знаний об истории внешней политики Московского царства второй половины XVI в. и целого ряда государственных образований, чьи архивы оказались полностью утерянными.

⁶¹ *Ульяницкий В.А.* Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв. По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Приложения. «Из Титулярника № 1, 6997 (1488), окт. — 7085 (1577) г.». С. 60—61.

⁶² *Эскин Ю.М.* Титулярник — тексты и иллюстрации.